

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ ПАМЯТЬЮ

Арутюн Марутян

В статье рассматриваются известные в западной этнологической литературе фундаментальные работы относительно наиболее часто исследуемых и обсуждаемых в теории коллективной памяти вопросов использования прошлого в политических целях. Часть авторов убеждена, что прошлое переменное, что оно создается и воссоздается для использования в настоящем, исходя из нужд настоящего времени. Другая группа теоретиков считает, что коллективная память людей переживает изменения внутри общества и, более того, именно прошлое формирует наши представления и восприятия настоящего, а не наоборот. Третья, сравнительно малочисленная группа специалистов по вопросам памяти находит, что одно и то же настоящее может нести в себе разные воспоминания, а разные реалии могут нести одну и ту же память и, таким образом, коллективная память в политической культуре являет собой протекающий во времени динамичный, перманентный процесс обсуждений. Ни один из этих теоретических подходов не носит узкий или догматический характер: они, главным образом, различаются лишь в плане акцентирования.

Вспоминание прошлого – активный, конструктивный процесс, а не обычное восстановление информации. Вспоминать – значит восстановить часть прошлого для обслуживания системы взглядов и нужд настоящего [1, р. 374]. Как заметил еще полтора века назад К. Маркс, «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену мировой истории» [2, с. 8].

Почти всякая политическая риторика основывается на прошлом как средстве легализации. Французские революционеры 1789-93гг. вынужденно обращали свой взор в прошлое, во времена Римской республики, дабы найти обоснования (не проистекающие из королевских указов) законности своей политической деятельности, т.к. именно римское законодательство исходило из идеи примата права на частную собственность. Вообще, революционные движения, как правило, также ищут свои девизы и устремления в прошлом [3, pp. 9-10]. И, пожалуй, национальное историческое сознание и его инфраструктуры во французском, а также в европейских обществах начали формироваться со времен Великой французской революции: начиная именно с XIX века ученые и политические деятели стали понимать важность основополагающей связи между нацией и ее прошлым. Именно эта связь явилась одним из важнейших факторов в идеологиях национализма и *nation-building-a* и, вообще, в процессе формирования капиталистических наций [ср. 4, pp. 127-129. См. также 5, pp. 50-55, 77-79, 95-98, 108, 141-147; 6, pp. 37, 73, 75-76, 171; 7, pp. 24-29; 9; 10]. Этим фактором также был обусловлен рост национализма [Сравн. 4, pp. 127-129. См. также 5, pp. 50-55, 77-79, 95-98, 108, 141-147; 6, pp. 37, 73, 75-76, 171; 7, pp. 24-29; 9; 10]. Как заметил Э. Хобсбаум, «Нация без прошлого – это противоречие в терминологии: нацию формирует прошлое, оправдание противостояния наций также в прошлом, и историки – те люди, которые создают это прошлое» [8, p. 3].

Память и, в частности, историческая память являются важнейшими элементами, характеризующими термины «этническая общность», «нация», «национальная идентичность» [9, pp. 14, 21, 40, 43 и т.д.; 10, pp. 11-17 и т.д.]. В числе обрядов, традиций, мифов память, общая для членов этнической общности или нации, является средством связи между этими членами, средством построения их взаимоотношений и обуславливает их деятельность. Согласно Энтони Смиту – одному из лучших специалистов по этой тематике, память и представления об общем прошлом составляют «этноисторию» (*ethnohistory*) этнической общности или нации. Она многогранна и конкурентоспособна, что приводит к перманентности процесса переосмысления национальной идентичности. Каждое поколение привносит собственные комментарии национальной идентичности, и потому они никогда не бывают зафиксированными навечно или статичными, но всегда пересматриваются в соответствии с новыми требованиями, интересами и представлениями, хотя и всегда ограничены определенными рамками. Э.Смит убежден, что центральным вопросом национализма, являющегося одним из мощнейших социальных и политических сил современного мира и играющего важ-

нейшую роль в процессе этностроительства и национального развития, является вопрос роли прошлого в формировании настоящего [10, pp. 180-181, 187; 11, t₂ 43-56].

По мнению Э.Смита, основным элементом любой человеческой идентичности является память, осознание наличия личной связи с прошлым [10, p. 208]. И историческая, и коллективная память опираются на знания людей и их отношение к отдельным эпизодам или целостному историческому прошлому – реальному или представляемому ими. В то же время, эта память, как было отмечено, не статична, подвержена изменениям, которые могут быть как результатом внутренних развитий, так и внешних воздействий.

Вообще, мысли об обществе почти всегда бывают представлены через образы персоналий. История воспринимается аналогично: память о прошлом начинается с памяти о людях. Люди, составляющие общество, почти всегда нуждаются в образах прародителя, героя¹ и одной из миссий великих, знаменитых людей является удовлетворение этой потребности [3, p. 10]. И здесь важное значение приобретает следующий вопрос: о каких типах исторических личностей необходимо, желательно помнить, какие стороны их деятельности нужно преподнести грядущим поколениям? То есть, мы сталкиваемся с вопросом политического использования прошлого [13, pp. 301, 302, 315].

Эта задача – часть более обобщенной проблемы методологического характера, которая чаще всего рассматривается, обсуждается, оспаривается, приводит к столкновению мнений и, в результате, приводит к формированию отдельных направлений. Если очень коротко, то суть постановки вопроса такова: по мнению ряда авторов, прошлое изменчиво, оно создается и воссоздается для использования в настоящем, исходя из нужд настоящего времени. Другая группа теоретиков считает, что коллективная память людей переживает изменения внутри общества и, более того, именно прошлое формирует наши представления о настоящем и его восприятие нами, а не наоборот. Третья, сравнительно малочисленная группа специалистов по вопросам памяти находит, что одно и то же настоящее может нести в себе разные воспоминания, а разные реалии могут нести одну и ту же память и, таким образом, коллективная память в политической культуре являет собой протекающий во времени динамичный, перманентный процесс обсуждений.

Ни один из этих теоретических подходов не носит узкий или догматический характер: они, главным образом, различаются лишь в плане акцентирования.

¹ В этой связи характерно, что евреи, после долгих обсуждений, отмечают день памяти Холокоста не в один из череды дней, символизирующих массовое насилие, а в день вооруженного восстания Варшавского еврейского гетто против фашистов, т.е. отмечают день вооруженной борьбы [12, p. 28].

Одним из главных и многократно повторяющихся выводов М.Хальбвакса – классика теории памяти – является то, что «память (вспоминание) – это реконструкция прошлого (в широком смысле этого понятия) посредством данных, взятых из настоящего: некая реконструкция, подготовленная более ранними реконструкциями, при осуществлении которых представления о прошлом уже изменены» [14, р. 69].

Он убежден, что память, сохранившаяся о неких личностях и явлениях, подвергается перманентным изменениям вследствие двух типов взаимосвязанных процессов. Прежде всего, о событиях и представлениях прошлого со временем накапливаются все новые данные и, таким образом, расширяются рамки познания, вследствие чего может сформироваться новая память, кажущаяся (или являющаяся на самом деле) близкой к реалиям. Вторая причина в том, что меняются носители этой памяти, меняются их взгляды, а личность представляет прошлое еще и исходя из этих точек зрения. Чем больше личность вовлечена в каждую из этих групп и непосредственно участвует в ее памяти, тем она, в обязательном порядке, освежает и дополняет свои воспоминания. Развивая и абсолютизируя, в некотором смысле, эти взгляды, М.Хальбвакс прямо заявляет, что наше восприятие прошлого является лишь средством для решения задач настоящего: «Если коллективная память действительно является реконструкцией прошлого, если она приспособливает наши представления о фактах к духовным потребностям и представлениям настоящего времени, то в этом случае вопрос о происхождении фактов становится второстепенным, если не бесполезным вовсе, т.к. реальность прошлого уже не в прошлом» [1, р. 376].

Группа известных исследователей, занимающихся вопросами памяти и идентичности (Дж.Мид, М.Фуко, Э.Хобсбаум, Т.Ренджер, Ч.Кули и другие), продолжая теоретическое развитие отмеченных выше изысканий М.Хальбвакса, также считает, что прошлое создается в настоящем и, таким образом, оно приспособливо. В работах, посвященных памяти (в которых зафиксированы пути, пройдя которыми представления прошлого меняются во времени, и представлено, как различные группы используют прошлое для решения задач настоящего, при комментировании прошлого прибегают к разным махинациям для достижения определенных целей), просматривается мощная линия так называемого «презентизма» (*presentism*) или присутствия настоящего. В своих многочисленных работах упомянутые авторы и их последователи, на основании различных примеров, показывают, как меняется (в соответствии с изменениями инфраструктур общественных задач и нужд) значение исторических событий при их наследовании поколениями. Иначе

говоря, согласно авторам этого направления, каждое историческое событие в разное время оценивается по-разному, и зависит это от требований данного времени¹. Так, Дж.Мид и М.Хальбвахс убеждены, что коллективная память подвергается пересмотру, когда новые ценности и социальные структуры заменяют старые: они верят (как подсказывает характерное название книги другого автора), что «прошлое является чужой страной» [сравн. 6].

Джордж Герберт Мид не был знаком с трудами Хальбвахса. Суть предложенной им теории, описанной в его работах 1920-30 гг., состоит в том, что, хотя настоящее включает в себя прошлое и будущее, «реальностью является то, что существует в настоящее время», а прошлое воскрешается через воспоминания и существует в тех представлениях, которые формируют «стыдли-вое ограничение настоящего». В свое время его теория [17; 18; 19] явила радикальный отход от традиционной точки зрения [о Миде см. 20]. Дж. Мид заявляет, что всякая концепция о прошлом выстроена «с точки зрения новой проблемы настоящего» и что «все аспекты прошлого теряют свою целесооб-разность, когда меняются условия настоящего». Теория Дж.Мида о прошлом включает положения, созвучные идеям М.Хальбвахса, однако в акцентах имеется разница. Так, если М.Хальбвахс стремится показать, как влияет ны-нешняя ситуация на наше восприятие прошлого, то целью Дж.Мида является понимание роли исторического знания в комментариях настоящего. По этой причине, согласно Дж.Миду, как «личность должна использовать опре-деленное количество прошлого для характеристики своего настоящего, по-добным же образом общество стремиться выявить прошлое для оценки ны-нешней ситуации и выявления наличествующих проблем современности». Второй отличительной особенностью является то, что, согласно Дж.Миду, появление новых версий прошлого наиболее вероятно в эпоху перемен. Вспомним, к примеру, как в эпоху гласности советские граждане почти каж-дый день открывали для себя новое прошлое. В армянской же действитель-ности во время Карабахского движения, например, были раскрыты новые страницы российско-турецкого сотрудничества 10-20-х гг. XX столетия, выявлялись новые данные об участии лидеров Октябрьской революции, и вообще КПСС, в судьбоносных для армянского народа событиях и т.д. Соз-дание ситуаций, обусловленных такого рода изменениями, играет дестаби-

---

¹Сравните с реалиями недалекого советского прошлого, когда в 1985 г. политика гласности, провозгла-шенная в СССР, поставила цель раскрыть все темные страницы советского прошлого. По оценкам амери-канского исследователя Р.Дависа, «до этого в мировой истории не было ничего подобного: в 1987-88 гг. десятки миллионов советских граждан были бурным образом вовлечены в изучение исторического прош-лого своей страны и в переосмысление принципов и методов действий советского социализма... Обсуж-дение прошлого переросло в обсуждение будущего, которое ожидает советское общество» [15, р. VII].

лизирующую роль, однако эти ситуации могут перерасти в обычное состояние, если прошлое перестраивается таким образом, что переплавляется, сливается с осмысленным потоком событий.

Формулировки прошлого, данные Дж.Мидом, содержат и другие положения, как, например, «социальные построения прошлого», «предполагаемое объективное прошлое», «символично реконструированное прошлое». Последнее предполагает такое смысловое переоформление событий прошлого, при котором они приобретают значимость и полезность для настоящего. Полезность истории в борьбе за власть в наши дни может проявиться следующим образом: например, группы, стремящиеся к переменам, обращаются к определенным фактам прошлого для узаконения своих интересов и устремлений, и далее, с помощью этих фактов, обосновывают свое появление. Таким образом, построение мифического прошлого и реконструкция объективного прошлого подчинены определенным прагматичным задачам [21, pp. 149-151].

Чарльз Кули – один из представителей «презентизма» – отмечает, что «функция настоящего, а не прошлого» определяет, как сохраняются в коллективной памяти великие люди и события [22; 13, pp. 302-303]. Э.Хобсбаум использует термин «изобретение традиции», т.е. прошлое выдуманно, но причина, из-за которой имел место этот процесс, может быть объяснена условиями и требованиями настоящего: этот процесс показывает, как переоформляется традиция, приспособляется к задачам настоящего [23, pp. 1-14]. Эти концепции, «стремящиеся не только высвободить настоящее из-под пресса прошлого, но и установить императивность настоящего в сравнении с прошлым» (Эдвард Шилс), рассматривают представления о прошлом в качестве стратегических рукотворных инструментов, созданных в соответствии с потребностями настоящего, и превращают прошлое в нечто нестабильное, ненадежное, безосновательное, нечто, всегда являющееся заложником настоящего [24, p. 222].

Майкл Схудсон – представитель лагеря оппонентов – отмечает, что в 1960-х гг. росту антисоветских настроений среди американцев особенно способствовало распространение информации о том, что Советы подвергают ревизии свою (и всего мира) историю с целью восхваления советского государства и компартии. М.Схудсон вспоминает окрещенный антисоветским роман «1984», написанный Джорджем Ордуэллом (*George Orwell*) еще в 1949 г., в котором общественная формация, пришедшая на замену капиталистическому обществу, представлена как тоталитарная, а главный герой Уинстон Смит, работающий шифровальщиком в министерстве Правды, убирал из исторических записей факты, неудобные властвующему режиму. Согласно

автору романа, одним из лозунгов в этом воображаемом государстве была весьма распространенная ныне формулировка: «Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее». М.Схудсон отмечает, что через шесть десятилетий после издания книги, «по мнению исследователей, мы стали как Советы», т.к., например, в построениях американского прошлого вычеркнуто множество конфликтных реалий, и, в то же время, исследователи являются очевидцами того, как, например, немцы и японцы заново излагают историю Второй мировой войны. По мнению М.Схудсона, во всех случаях, когда создание прошлого находится не в руках профессиональных историков, наиболее вероятным становится использование прошлого в качестве ресурса для узаконения неких явлений настоящего, но не для того, чтобы вымостить путь к истине [25, pp. 105-106].

Непосредственные проявления «презентизма» можно встретить в *общественных ограничениях памяти*. Так, известно, что наша память в большой степени подвержена воздействию нашего социального окружения [26, с. 35-41]. Таким же образом наше окружение, в определенных случаях, может перекрыть нам вход в область отдельных воспоминаний нашей же жизни. То есть, мера воздействия социального окружения на формы воспоминания нашего прошлого становится более отчетливой, когда мы понимаем, что многие из «запомнившихся» нами событий на самом деле профильтрованы в процессе их комментирования, обычно происходящего в данном социальном окружении.

В ответ на важное значение, придаваемое «презентистским» подходам в исследованиях социальной памяти, ряд исследователей говорит о подходах, условно названных нами «базирующимися на прошлом» (*pastism*), т.е. об ограниченных приспособленческих возможностях прошлого. Например, М.Схудсон полагает, что «в определенных условиях и в определенном смысле, прошлое проявляет большую сопротивляемость (резистивность) попыткам не считаться с ним». По его мнению, три фактора ограничивают наши возможности изменить прошлое [25, pp. 107-113]. Первое: структура доступного прошлого представляет лишь часть всего прошлого и ставит ограничения на том уровне, на котором прошлое можно изменить, тем самым другие его части ставятся вне представляемой нами досягаемости. Так, американцы могут попытаться прокомментировать или переиначить историю рабовладельчества в своей стране (и действительно, многое уже забыто), однако они не могут закрыть глаза на многие проявления той эпохи, потому как последняя была для американцев временем травматических испытаний и непосредственно связана со многими элементами, определяющими американскую

идентичность – Гражданской войной, Авраамом Линкольном (одним из самых представительных героев американской нации) и т.д. Даже сегодня эта эпоха тесно соприкасается с лингвистическими тонкостями и историей борьбы за гражданские права, с фольклором и нарративами американских рабов и т.д. Другой пример: в настоящее время невозможно заново изложить историю XX века и утверждать, что 1930-е гг. для американцев были благостными, однако если кто-либо станет утверждать, что такими были 1830-е гг., то лишь профессиональные историки смогут основательно разъяснить этот вопрос. В первые годы независимости Третьей республики Армении государственная пропагандистская машина и разнородные организации начали нещадно поносить достижения Армении, имевшие место в советские годы: были разрушены памятники, заменены экспозиции на выставках, однако не так просто стереть из памяти здравствующих ныне людей той эпохи многие реалии недалекого прошлого и создать общественное мнение противоположного характера.

Второе: структура личного выбора делает неприемлемыми некоторые проявления прошлого, а иные – вообще невозможными для рассмотрения. Почему? Люди могут делать выбор только из достигаемого для их памяти прошлого, а оно ограничено: свободна ли при этом личность выбирать так, как ей хочется? Совсем нет. Многие обстоятельства противятся этому. Таковыми являются травматические воспоминания, проявляющие опыт прошлого людей (или организаций, наций), и которыми невозможно пренебречь, т.к. они связаны с чувством страха, боязни, боли. Американцы и немцы должны не просто встать лицом к лицу с существующими реалиями (эпоха рабства и факт Холокоста соответственно), но делать это, не давая себе покоя, непрестанно, осознавая необходимость, и независимо от своего желания. Прошлое становится частью нас и нас же формирует, влияет на наше сознание, хотим мы этого или нет. Люди попадают в капкан своих старых ран.

С другой стороны, люди реагируют на экстремальные условия не только своей жизни, но и жизни других людей. И поступают они так не только в результате имеющегося собственного травматического опыта, но и знания чужих травматических историй и, как проявление этого, осуществления некой чувственной деятельности. Вспомним, какое движение милосердия распространилось среди тысяч людей в Европе и США во времена Геноцида армян и последующие тому годы, что проявилось множеством мероприятий и начинаний по организации сиротских приютов и помощи беженцам, осуществленным благодаря пожертвованиям простых граждан.

Люди не могут делать свободный выбор еще и потому, что в своих

действиях они часто руководствуются инерционными последствиями прошлого. Так, община, общество реагируют на возникший конфликт так же, как это делалось в прошлом, т.е., так или иначе, они считаются с опытом прошлого. Многим знакомо, как, решая ту или иную проблему, люди пытаются уточнить, а как она решалась прежде.

Существует множество проявлений прошлого, которые мы не можем игнорировать или забыть без чувства некоей потери части себя. Не только прошлое живет в сознательной жизни людей (как говорит Фрейд), но и сознательная жизнь людей живет в проявлениях прошлого. Так, для многих ереванцев их ереванская идентичность привязывается к старым строениям центра Еревана, потому изменения (что равносильно трансформации памяти времен), происходящие с этими строениями, могут довести вплоть до доминирования памяти травматичного характера. В декабре 2004г., когда в гостинице «Ереван» проходило обсуждение проблем сохранения культурно-исторического наследия Еревана (организованное общественной организацией «Партнерство во имя открытого общества»), один писатель (из числа старожилов Еревана) и несколько архитекторов в своих чувственных выступлениях прямо заявили, что им больно видеть разрушение центра Еревана не только в плане эстетическом и архитектурном, но и из-за потери памяти о прошлом вследствие физического изменения местности [сравн. 27]. Отметим, что такой подход был приемлем для большинства присутствующих.

Третье: структура социального конфликта по отношению к прошлому показывает, что мы не всегда являемся единственными, кто определяет, какое прошлое пристало помнить, а какое забыть. Такое решение мы не можем принять свободно, т.к. некоторые люди пытаются сделать обратное желаемому нами, т.е. существует противодействие. Это значит, что люди имеют дело с конкурирующими восприятиями прошлого, и что существует политика памяти, которая нуждается в изучении.

М.Схудсон отмечает, что да, существует множество свидетельств о том, что люди излагают историю заново, однако это не значит, что этим все сказано. Да, настоящее влияет на формы понимания прошлого, однако это лишь половина истины и, в частности, согласно исследователю, ее циничная половина. Другой половиной является то, что прошлое формирует, обозначает, создает настоящее, даже если могущественные люди и организации меньше всего желают этого. Одним из аргументов сторонников направления «*pastism*» является утверждение, что когда вера в прошлое ослабевает из-за продолжительности изменений, осуществляемых в обществе, то соответственно разрушается единство общества и перманентность его существования.

Эмиль Дюркгейм был одним из первых авторов, кто счел этот вопрос проблемным. Согласно Э.Дюркгейму, концепции о прошлом разрабатываются периодичными ритуалами празднований/ознаменований годовщин (*commemoration*) [подробно см. 26, с. 47-64], функцией которых является не трансформация прошлого и принуждение его к служению настоящему, но способствование его выживанию [28, pp. 415, 420].

Согласно концепции (1981г.) о традициях другого прославленного представителя этого направления – Э.Шилса – настоящее создается прошлым. Он утверждает, что ритуалами празднований/ознаменований годовщин/помятий (*commemoration*) являются формой, методом, которыми от прошлого требуется, чтобы оно что-либо предложило настоящему, стало предостережением или моделью: в эпоху быстрых перемен прошлое предоставляет необходимые указания к действиям по сохранению идентичности. По наблюдениям Э.Шилса, образ уже прошедшей эпохи или исторической личности не формируется и развивается заново, но передается в соответствии с «направляющим примером» (*guiding patterns*), который обеспечивает грядущие поколения общим наследием. Создавая связи между живыми и мертвыми, стабильные воспоминания укрепляют «временную интеграцию» общества и в течение времени способствуют установлению согласия и гармонии. Это согласие гибкое, т.к. воспоминания создают почву для своего вечного существования. Согласно М.Схудсону, воспоминания не достоверны, пока их приводят в соответствие с существующей структурой предположений о прошлом. Таким образом, истинным обществом является «общество с памятью», общество, прошлое которого хранится в его памяти, пересказывающей тот же «формирующий, конструктивный нарратив», вспоминая людей, которые уже приводились в пример в качестве носителей моральных ценностей [29, pp. 31-32; 25; 24, p. 222].

Как было отмечено выше, эти два теоретических подхода к коллективной памяти различимы. Первый относится к прерываниям прошлого по отношению к протекающим конструктивным процессам, что обусловлено изменчивыми интересами настоящего. Второй подход заостряет внимание на перманентности наших представлений о прошлом и способах сохранения этих представлений при социальных изменениях.

В противоположность двум вышеуказанным распространенным точкам зрения, согласно которым прошлое является или приспособляющимся, или стабильным, третья группа авторов (в частности Б.Шварц, Э.Зерубавел, Дж.Олик и др.) наиболее приемлемым в вопросах формирования коллективной памяти, в плане взаимоотношений прошлого и настоящего, считает

комплексный подход. Они убеждены, что «коллективная память должна рассматриваться как активный процесс создания мнений во времени» [30, р. 921] или, согласно образной формулировке другого автора (*B.Zelizer*), «память не является неизменным сосудом, в котором прошлое переносится в настоящее: *память является [перманентно обсуждаемым] процессом*, но не предметом, и процесс этот в разное время срабатывает по разному» [31, pp. 214-239; 32, р. 122]. Авторы, придерживающиеся этих принципов, в своих работах пытаются прояснить, сможет ли нивелироваться разница между приведенными выше подходами при отрицании одного из них в пользу другого, или же можно определить условия приемлемости каждого из них. И, наконец, можно ли сформировать новую теорию, которая бы примирила конфликтные утверждения сторон, и существует ли одна, объединяющая их характеристика при известных различиях?

Этих, а также отмеченных выше авторов к подобной постановке вопроса привело подробное рассмотрение определенных конкретных явлений. Поиск ответов на эти вопросы происходит в сфере празднований/ознаменований годовщин/поминаний (*commemoration*). Так, Барри Шварц показывает, как под воздействием разнородных политических факторов истории США постепенно (до и после Гражданской войны, до конца эпохи Прогресса) «демократизируется» память о недемократичном военном и политическом лидере – Джордже Вашингтоне. В 1920-е же годы он уже воспринимается как бизнесмен и руководитель-капитан промышленности. С одной стороны эта трансформация укрепляет веру М.Хальвбахса и Дж.Мида в то, что прошлое подвержено изменениям, оно создается и воссоздается для использования в настоящем, с другой же стороны, американцы не забывают своеобразный, аристократический образ Дж.Вашингтона и, таким образом, ограничивают возможности грядущих поколений демократизировать сей стабильный, незаменимый образ первого президента США. В этом явлении отражены идеи Э.Дюркгейма и Э.Шилса о том, как коллективная память переживает изменения, происходящие внутри общества. Таким образом, согласно Б.Шварцу, пример Дж.Вашингтона показывает, что не могут существовать отдельные теории коллективной памяти: одна – разъясняющая изменения, другая – жизнестойкость. А с другой стороны, факты, приведенные в этом примере, не позволяют объединить изменения и жизнестойкость, наличествующие в памяти, в некоей третьей, примиряющей теории, потому как настоящее строится посредством прошлого, а сохранение прошлого, как и его воссоздание, должно опираться на настоящее. Так как каждое новое поколение обновляет убеждения, переданные прежними поколениями, то

остаются только собрать, объединить старые убеждения, сосуществующие с новыми, включая старые убеждения о прошлом же.

Соответственно, правы М.Хальвбахс, Дж.Мид и их последователи, когда базируют коллективную память в настоящем. Их ошибкой является то, что они недооценивают возможности, мощь настоящего, не могут усмотреть, что это же настоящее может быть носителем разных воспоминаний, и различные реалии могут быть носителями той же памяти. По мнению Б.Шварца, как только будет исправлена эта ошибка, подходы Мида- Хальвбахса и Дюркгейма-Шилса в отношении коллективной памяти могут быть рассмотрены как особые случаи более широкого обобщения, касающиеся и изменений, и преемственности в восприятии прошлого. Во всяком случае, приведенный в статье пример показывает, что своеобразный, аристократический образ Дж.Вашингтона сохранился, и в то же время тем же обществом был создан его новый образ демократа. Эти противоречащие друг другу образы сосуществуют. Т.е., согласно Б.Шварцу, прошлое одновременно является и не вполне неопределенным, и не вполне неизменным, но является неким стабильным образом, вмещающем все новые элементы. Следовательно, прошлое дружелюбнее, чем чуждая страна: в отношении к настоящему времени люди прошлого были другими, но вовсе не чужими [24, pp. 221-234; 13, pp. 301-319].

Октябрь, 2006г.

Источники и литература

1. *Schwartz Barry*, The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory. – Social Forces, Vol. 61, No. 2 (Dec., 1982), pp. 374-402.
2. *Маркс Карл*, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. М.: Политиздат, 1985.
3. *Goff Jacques Le*, History and Memory. New York: Columbia University Press, 1992.
4. *Fentress James and Wickham Chris*, Social Memory. Oxford, UK and Cambridge, USA: Blackwell, 1992.
5. *Anderson Benedict*, Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, New York: Verso, 1983.
6. *Hobsbawm Eric*, Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1990.
7. *Hobsbawm Eric*, On the Edge of the New Century. In Conversation With Antonio Polito. New York: The New Press, 2000.
8. *Hobsbawm Eric*, Ethnicity and Nationalism in Europe Today. – Anthropology Today, Volume 8, No. 1. (February, 1992), pp. 3-8.
9. *Smith Anthony D.*, National Identity. Reno, Las Vegas, London: University of Nevada Press, 1991.

10. *Smith Anthony D.*, Myths and Memories of the Nation. Oxford, New York: Oxford University Press, 1999.
11. *Абрамян Левон*, Четыре модели утверждения национальной идентичности. – Инкнютян харцер. тарегирк [Вопросы идентичности: ежегодник], Ереван, 2002, с. 43-56 (на арм. яз.).
12. *Irwin-Zarecka Iwona*, Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory. New Brunswick (USA) and London (UK): Transaction Publishers, 1994.
13. *Schwartz Barry*, Iconography and Collective Memory: Lincoln's Image in the American Mind. – The Sociological Quarterly, Volume 32, Number 3, 1991, pp. 301-319.
14. *Halbwachs Maurice*, The Collective Memory / Translated from the French by Francis J. Ditter, Jr. and Vida Yazdi Ditter. New York, Cambridge, Hagerstown, Philadelphia, San Francisco, London, Mexico City, Sao Paulo, Sydney: Harper Colophon Books, Harper & Row, Publishers, 1980.
15. *Davies R. W.*, Soviet History in the Gorbachev Revolution. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1989.
16. *Lowenthal David*, The Past is a Foreign Country. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 1985.
17. *Mead George Herbert*, The Nature of the Past in Essays in Honor of John Dewey (ed. John Coss), New York, 1929, pp. 235-242.
18. *Mead George Herbert*, The Philosophy of the Present. Chicago; London: Open Court Publishing Co., 1932.
19. *Mead George Herbert*, Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: The University of Chicago Press, 1934.
20. *Maines David R.; Sugrue Noreen M.; Katovich Michael A.*, The Sociological Import of G. H. Mead's Theory of the Past. – American Sociological Review, Vol. 48, No. 2 (Apr., 1983), pp. 161-173.
21. *Schwartz Barry; Zerubavel Yael; Barnett Bernice M.*, The Recovery of Masada: A Study in Collective Memory. – The Sociological Quarterly, Volume 27, No. 2, 1986, pp. 147-164.
22. *Cooley Charles Horton*, Social Process. New York: C. Scribner's Sons, 1918.
23. The Invention of Tradition. Edited by *Eric Hobsbawm and Terence Ranger*. Cambridge, London et al.: Cambridge University Press, 1983.
24. *Schwartz Barry*, Social Change and Collective memory: The Democratization of George Washington. – American Sociological Review, Vol. 56, No. 2 (April, 1991), pp. 221-236.
25. *Schudson Michael*, The Present in the Past Versus the Past in the Present. – Communication, 1989, Vol. 11, pp. 105-113.
26. *Марутян Арутюн*, Роль памяти в структуре национальной идентичности. теоретические вопросы. Ереван, 2006 (на арм. яз.).
27. *Петросян Метаксе*, Уничтожение исторической памяти. – «Хетк Онлайн» электронное периодическое издание (<http://www.hetq.am/arm/society/0506-yer.html>), 1 июня 2005 г. (на арм. яз.).

28. *Durkheim Émile*, The Elementary Forms of the Religious Life. New York: Free Press, 1965.
29. *Shils Edward*, Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
30. *Olick Jeffrey K.; Levy Daniel*, Collective Memory and Cultural Constraint: Holocaust Myth and Rationality in German Politics. – American Sociological Review, Vol. 62, No. 6 (December, 1997), pp. 921-936.
31. *Zelizer B*, Reading the Past Against the Grain: The Shape of Memory Studies. – Critical Studies in Mass Communication, 1995, N 12 (June), pp. 214-239.
32. *Olick Jeffrey K., Robbins Joyce*, Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. – Annual Review of Sociology, 1998, N 24, pp. 105-140.

MEMORY MANAGEMENT THEORETICAL ISSUES

Harutyun Marutyan

Resume

The article considers the theoretical works of western researchers on using the past for political purpose. Some of the researchers adhere to the standpoint that past is changeable; it is created and re-created for being used in present, basing upon the requirements of the present. Another group of researchers think that the collective memory undergoes changes inside the society, and what is even more, the past itself forms our ideas and perception, and not vice versa. A relatively small group of experts, that represent the third direction, think that the same present can bear different memories and different presents may carry the same memory. Thus, the collective memory in political culture is a dynamic and continuous process of discussions. None of these theoretical approaches is of narrow or dogmatic nature; they differ mainly by the degree of accentuation.